

Черные Доспехи временно заняли две улицы во внешнем городе, превратив ничем не примечательный дом в центр лагеря. В то же время перед наружными воротами во внешнем городе, выходящими на равнину к северо-западу от горы Юйхэн, они создали временную штаб-квартиру на почтовой станции.

Когда Дуань Лин прибыл в штаб, он увидел группу тангутов с перьями на головных уборах, оживленно о чем-то спорящих. Узнав человека, возглавляющего этот отряд, он вскрикнул и бросился вперед.

— Дуань Лин! — громко крикнул Хэлянь Бо.

— Хэлянь! — воскликнул Дуань Лин.

Они крепко обняли друг друга. Дуань Лин был так счастлив, что не знал, что с собой делать — он и представить себе не мог, что гостем окажется Хэлянь Бо! И вот кувыркком он забрался Хэлянь Бо на спину, заставляя носить себя по двору, и они громко засмеялись.

— Ты... не грусти, — Хэлянь Бо ткнул пальцем в левую сторону груди Дуань Лина. — Люди... умирая, становятся звездами на небе и росой на земле.

Дуань Лин рассмеялся и кивнул, понимая, что Хэлянь пытается его утешить. Значит, он уже знает о моем происхождении, — подумал он.

— О чем вы спорили? — спросил Дуань Лин.

— Пришел... еще он, — Хэлянь Бо указал вглубь постоянного двора.

Внутри находился отряд киданей и группа монголов. В тени, прислонившись к стене, стоял молодой человек, внимательно наблюдавший за Дуань Лином, освещенным солнечным светом.

— Бату? — прошептал Дуань Лин, отпустив руку Хэляня. — Как ты здесь оказался?

Молодым человеком был Борджигин Бату, а рядом с ним стоял Амга.

— Я знал, что ты окажешься в Цзянчжоу, — сказал Бату.

Его слова недвусмысленно указывали на то, что он прибыл сюда ради Дуань Лина. С юга пришла весть о кончине Ли Яньцю, и государства Юань, Ляо и Силян мгновенно насторожились, почуяв приближение бури. После смерти Ли Яньцю преемник и ситуация на юге станут решающими факторами в будущем раскладе сил между четырьмя странами.

Даже Юань, годами воевавшая с Великой Чэнь и связанная с ней кровной враждой, отправила сюда послов за информацией. Вот только Дуань Лин не ожидал, что придет сам Бату. Неужели он не боялся, что Чэнь возьмет его под стражу?

— Это... это... — Хэлянь Бо слегка прикрыл Дуань Лина собой, — Не бойся, это... Тендзин Вангъял*.

* Тендзин Вангчук Хан, также известный как Вангъял, был четвертым ханом Хошутского ханства и королем-покровителем Тибета. Правил с 1696 по 1697, или с 1701 по 1703 год, в эпоху 6-го Далай-ламы Цангьянг Гьяцо.

Хэлянь Бо представил Дуань Лину еще одного молодого человека. Он был примерно одного роста с Дуань Лином, крепкого телосложения, и одет в овчинный полушубок, как у Бату, с той лишь разницей, что правый отворот перекрывал левый. Если бы его шуба не была темно-красной, Дуань Лин с первого взгляда принял бы его за монгола.

Однако, услышав имя, Дуань Лин сразу понял, что юноша из племени Тууюхунь*, и поспешил поприветствовать его.

* Тогоны, тогонцы, тууюхуни, тугухуни — древнемонгольское племя, основавшее государство Тогон (284—670). Отделились от сяньбэйского племени мужун.

Молодого человека звали Тендзин Вангъял, и он даже не говорил по-ханьски. Долго объясняя что-то Хэлянь Бо, он попросил того перевести, но Дуань Лин подумал, что если так продолжится, они не закончат до рассвета, и махнул рукой:

— Все в порядке.

— Друг, — сказал Хэлянь Бо. — Он друг.

Тогда Дуань Лин обнялся с Тендзин Вангъялом, и все достигли молчаливого понимания. А вот присланный из Ляо был незнакомцем — мужчиной лет двадцати с небольшим.

— Я — Елюй Лу, — мужчина поклонился Дуань Лину. — Левый управляющий делами Северной администрации Великой Ляо.

Должности левого и правого управляющих делами занимали советники Северного принца. После смерти Елюй Даши Северная администрация была реформирована, и столь молодой представитель императорского клана занял высокий пост. Вероятно, Елюй Лу станет следующим Северным принцем, — подумал Дуань Лин, чувствуя, что Елюй Цзунчжэнь оказал ему немалую честь.

Елюй Лу протянул Дуань Лину официальный документ, и тот, понимая смысл жеста, принял

его. Затем он заметил в свите Шулюй Жуя — видимо, Елюй Лу, получив приказ, сначала отправился в Е, не застал там Дуань Лина и лишь затем вместе с Шулюй Жуем прибыл в Цзянчжоу.

— Я был занят различными внутренними делами нашей страны, — сказал Дуань Лин. — Мое гостеприимство оставляет желать лучшего, и если вас что-то оскорбит, позвольте заранее извиниться.

Внутренний город был захвачен Хань Бинем, и все присутствующие прекрасно это видели, хотя никто не проронил ни слова. Се Ю распорядился временно разместить гостей. Когда прибыл Бату, Дуань Лина внезапно осенило, и он тихо сказал У Ду:

— У меня есть план. Мы можем внедриться в их ряды и проникнуть во дворец.

У Ду настороженно осмотрел Бату, а затем жестом подозвал Шулюй Жуя. Тот приблизился, склонив голову, чтобы выслушать приказ. У Ду велел ему выделить больше людей для слежки за Бату — на всякий случай, чтобы не допустить никаких беспорядков.

— Остальные меня не тревожат, — добавил он.

Выйдя за пределы почтовой станции, У Ду серьезно спросил:

— Ты правда считаешь, что Борджигин Бату явился на похороны?

Дуань Лин понял подтекст его слов: Бату явно прибыл заключить выгодную сделку. Вероятно, он полагал, что после смерти Ли Яньцю Дуань Лин остался без поддержки, а его надежды вернуть трон растаяли как дым. Теперь же монгол решил оценить обстановку — а то и вовсе схватить его и увести с собой.

— Побудь с ними, — сказал Дуань Лин. — Я поговорю с Бату.

— Только снова не попадись, — предупредил У Ду. — Ты уже дважды оказывался в их руках.

Дуань Лин фыркнул, не зная, смеяться или плакать:

— Не попаду.

Если в Цзянчжоу, под защитой Черных Доспехов, его все же смогут похитить, то Се Ю может сразу слагать с себя полномочия, — подумал он. Вернувшись на почтовую станцию, Дуань Лин увидел, что Хэлянь Бо и юношу из племени Туюйхунь уже разместили в покоях. Шулюй Жуй и Елюй Лу тоже удалились, а кипевшие ранее споры между группами наконец утихли.

В зале оставался лишь Бату. Он что-то тихо приказывал Амге, но, заметив Дуань Лина, оборвал речь. Он жестом велел Амге удалиться, и тот покорно вышел, не проронив слова.

Они в тишине стояли на постоялом дворе, а последние лучи заката бросали длинные тени.

— Выйдем прогуляться? — предложил Дуань Лин.

Бату отряхнул рукав халата, подняв облако пыли, и с напускным безразличием последовал за ним. Улицы Цзянчжоу тонули в свете заката, а за городской стеной, у подножия горы Юйхэн, извилистая река Юй поворачивала на юг, сливаясь с водами Янцзы, чтобы вместе устремиться на восток.

— Три года еще не прошло, — сказал Дуань Лин. — К чему такая спешка?

Бату остановился, уставившись на него.

— В твоей жизни слишком много тех, кто к тебе добр, — произнес он. — Мою искренность ты раз за разом бросаешь псам. Я уже привык.

Дуань Лин рассмеялся:

— Если бы я действительно так думал, то даже не появился бы здесь. Спасибо.

В глубине души его все же тронули эти слова — он понимал, что Бату хочет предпринять последнюю попытку.

— Когда твой дядя умер, — продолжил он, — я знал, что ты вернешься с горсткой людей, чтобы вырвать власть у этого пса Цая. Приехал посмотреть и помочь тебе. Если не выйдет — увезу, чтобы ты хотя бы не погиб.

— Ты изменился, — Дуань Лин с удивлением осознал, что Бату не был покрыт шипами и гребнями, как раньше, и не прибежал к насилию спустя пару слов.

— Я многое переосмыслил, — Бату потупил взгляд. — После возвращения читал ваши ханьские книги. Вернее, их мне зачитывал слуга — у меня не было времени читать их самому. Раньше... я ошибался. Был слишком жесток с тобой.

Дуань Лин не мог поверить, что Бату произнес: «Раньше я ошибался». Хоть он и верил, что книги способны изменить человека, он никогда не думал, что они могут изменить Бату.

В чертах Бату все еще читалась юношеская надменность, но теперь она была приглушенной. А

в глубине взгляда мерцало достоинство, странно напоминающее Елюй Цзунчжэня.

— Если ты действительно меня понимаешь, — сказал Дуань Лин, — то знаешь, что, даже проиграв, я не уйду.

— Хм, — отозвался Бату. — Потому я и пришел.

— Помоги мне, — попросил Дуань Лин.

— Приказывай, — пожал плечами Бату. — Хэлянь Бо тоже здесь ради тебя. Вот только этот парень при встрече едва не бросился на нас с кулаками.

— Тогда... Я все подготовлю и сообщу тебе, — сказал Дуань Лин. — А ты пока отдохни.

Он уже собирался уходить, но Бату окликнул его:

— Дуань Лин.

Дуань Лин бросил на него вопросительный взгляд.

— Я женился, — произнес Бату.

Дуань Лин сначала остолбенел, а затем рассмеялся:

— Поздравляю, Бату! Твоя жена, наверное, невероятно красива!

Бату молча стоял, не сводя с него взгляда, и в этот момент Дуань Лин понял, почему на этот раз он вел себя иначе. Возможно, он и правда... смирился.

— Я женился на младшей дочери Тогто*, — сказал Бату. — Она ждет ребенка. Говорят, родится прекрасная девочка.

* Тогто — монгольский государственный деятель, главнокомандующий, историограф в Китае в конце существования империи Юань. Известен тем, что руководил созданием официального юаньского корпуса хроник предшествующих государств Ляо, Цзинь и Сун.

— Это чудесно! — рассмеялся Дуань Лин. — Став отцом, тебе придется повзрослеть.

Бату молчал, и лишь в уголках его глаз дрогнула тень улыбки. Дуань Лин с легкой горечью подумал, что даже Бату теперь станет родителем. Наконец он шагнул вперед и обнял его.

— Сегодня устроим пир в вашу честь, — пообещал Дуань Лин. — Распоряжусь о приготовлениях.

Тем же вечером Се Ю подготовил новое помещение на почтовой станции, расставив столы для торжества. Поскольку Яо Фу было неуместно присутствовать на нем, он отправил пообщаться с Хэлянь Бо Чжэн Яня. Тот, как выяснилось, уже женился на Яо Цзин, и у них подрастал сынишка — мальчику скоро исполнится два года*.

* Тут опять беды Фэйтяня с математикой. Ему должен быть максимум ~1 год.

— Раз сегодня вы собрались здесь ради Великой Чэнь, — поднял чашу Дуань Лин, — прошу, отложите распри хотя бы на эту ночь. В нашей жизни так много битв, а вот шанс разделить вино с врагом выпадает редко.

Все согласно закивали — никто не жаждал новых конфликтов. Все надеялись, что с приходом нового правителя Великой Чэнь установятся новые дипломатические связи, а границы обретут покой. Подняв чаши, гости разом их осушили. Сегодняшний вечер они провели в разговорах о семье, а не о государственных делах. Елюй Лу, годы служивший Елюй Цзунчжэню, знал кое-что о юношеских перипетиях этих мужей и несколько раз включался в беседу.

За столом Хэлянь Бо, заикаясь, передразнивал своего сына, вызывая всеобщий смех, а пьяный Бату то и дело вспоминал, каким был Дуань Лин в Шанцзине. Тот нервничал, боясь, что он сболтнет лишнего, ведь у стен есть уши, и пытался сменить тему, но Бату упрямо возвращался к прошлому, пока Дуань Лин, устав, не махнул рукой, позволив ему говорить все, что он хочет.

За несколько часов до полуночи пришел Шулюй Жуй и склонился к Дуань Лину, шепнув на ухо сообщение. Тот понял: У Ду готов. Покинув застолье, он договорился с Хэлянь Бо, Елюй Лу, Бату и Тендзин Вангьялом, что лично проведет их за стены и завтра они встретятся во внешнем городе с наступлением сумерек. Затем он отправился доложить об этом Ли Яньцю.

— Слишком рискованно, — возразил Ли Яньцю, выслушав план Дуань Лина. — Что, если тебя узнают?

— У Ду будет прикрывать меня в тени, — объяснил Дуань Лин. — Как только мы двинемся, он с людьми войдет в город.

— Боюсь, вас вообще не пропустят, — после паузы произнес Ли Яньцю.

— Пропустят, — пояснил Дуань Лин. — Самому Хань Биню будет выгодно, если там окажутся Борджигин Бату и Хэлянь Бо. Они станут идеальными свидетелями против Цай Яня.

Ли Яньцю долго молчал, а затем кивнул.

— Дядя, — сказал Дуань Лин, — какой у тебя план?

С тех пор как Дуань Лин вернулся в Цзянчжоу, Ли Яньцю поистине овладел искусством править посредством бездействия. Помимо инсценировки собственной смерти, он практически пустил все на самотек, позволив Му Куанде и Хань Биню действовать по своему усмотрению. Дуань Лин постоянно боялся нарушить планы дяди, отчего в душе все еще царило беспокойство.

— Ты молодец, — ответил Ли Яньцю. — Я и представить не мог, что все пойдет так далеко. Поначалу я лишь хотел увидеть, какие рифы обнажатся, когда отхлынут бурные воды.

Дуань Лин молча слушал.

— Еще при жизни твоего отца он говорил, что Великая Чэнь разлагается, — продолжил Ли Яньцю. — Гниль проникла и в канцелярию, и в дворцовые палаты, и в армию. Молодые не могут продвинуться по службе, а старики цепко держатся за власть. Чтобы вернуть силу центральному правительству, потребуется целая вечность.

Дуань Лин чувствовал опасность, таящуюся в бесстрастном тоне Ли Яньцю, но не перебивал его.

— Императорский двор Великой Чэнь должен пройти через переходный период. Нужно зачистить старые фракции и позволить молодым, полным новых сил, занять места прежних чиновников.

— Но сейчас, — возразил Дуань Лин, — многие дела все еще находятся в руках старых сановников, и, если полностью сменить канцелярию, юг придет в хаос.

— Неужели ты действительно так считаешь, сын мой? — спросил Ли Яньцю. — Тогда позволь дяде задать тебе вопрос: в прошлом году, когда наводнение обрушилось на Цзянчжоу и Цзяннань, кто спас южные земли от катастрофы — двор или молодые чиновники? Канцелярия выполняла руководящую роль при дворе, но что они делали в итоге?

— Все решения исходят из интересов дворянства, — не дожидаясь ответа Дуань Лина, продолжил Ли Яньцю. — Все переплетено корнями и сковано слоями волокиты. Будь то помощь при бедствиях или восстановление — все основывается на принципе «как можно меньше вредить интересам кланов». В итоге именно Хэбэй под твоим управлением, не получая особой помощи с юга, да еще и столкнувшись с войной на севере, постепенно стал известен всему миру.

— И что же? — спросил Дуань Лин. — Дядя, ты хочешь воспользоваться этой ситуацией, чтобы императорский двор...

— Те, кто перешел на сторону Му Куанды — умрет, — сказал Ли Яньцю. — Изначально цель была именно такой. Я не собирался искать доказательства, а просто хотел обвинить их в соучастии.

Сердце Дуань Лина сжалось. Ли Яньцю планировал казнить Су Фа, Му Куанду и других высокопоставленных чиновников, конфисковав их имущество. Но это неизбежно привело бы к смене старого порядка на юге, погрузив его в пучину жестоких потрясений.

— В конечном счете возможны два исхода: либо нас уничтожит вторжение чужеземцев, либо все силы перетасуются заново. За эти годы молодые чиновники, прошедшие через императорские экзамены, заменят старых и станут новой опорой двора, — сказал Ли Яньцю.

— Мы готовились к этому еще во время переезда столицы, — продолжил он. — Когда мы только прибыли в Цзянчжоу, не стоило действовать опрометчиво, потому я и медлил. Но если копнуть глубже, это следовало завершить еще до смерти твоего деда.

— Но... — пробормотал Дуань Лин. — Это слишком рискованно.

— Для тебя настоящая трудность — не восстановить статус и не занять положенное тебе место, — ответил Ли Яньцю. — А вернуться и столкнуться с совершенно иным двором, начать его переустройство, закрепить и заново централизовать власть, вернув ее в руки императорской семьи.

Дуань Лин раньше даже не задумывался об этом, но теперь же, поразмыслив, понял: те, кого не известили о его ложной смерти, в планах Ли Яньцю, вероятно, попадали под чистку — включая даже Яо Фу и самого Се Ю.

— Но если мы потеряем поддержку Се Ю, нам будет трудно удержать Цзянчжоу, — сказал Дуань Лин.

— Черные Доспехи подчиняются Сыну Неба, а не Се Ю, — ответил Ли Яньцю. — Ты ставишь все на него. Но что, если однажды и он нас предаст? Конечно, я постараюсь оставить его в покое, насколько это возможно. Если он пожелает защищать тебя всю жизнь — прекрасно. Если нет — тебе будет суждено однажды сразиться с ним.

Однако этот план был полностью разрушен Дуань Лином, который, еще возвращаясь ко двору, сумел спасти жизни множества людей.

— Разумеется, для меня это тоже рискованный шаг, — спокойно произнес Ли Яньцю. — В ту ночь, когда ты сказал мне, что намерен искать доказательства сговора Му Куанды с Хань Бинем, я понял: ситуация вышла из-под моего контроля.

— Как говорил твой отец: «Хороша эта страна или плоха — в конце концов, она твоя», — Ли

Яньцю слегка улыбнулся. — Ты выбрал иной путь, и это, волею небес, тоже судьба, так что просто продолжай идти по нему, руководствуясь своими соображениями.

Дуань Лин вновь задумался над его словами. Кровавая чистка приведет к беспрецедентным переменам: все силы будут рассеяны и перераспределены заново.

— Ступай, — сказал Ли Яньцю. — Твой отец наблюдает за тобой с небес. Но каким бы ни стал итог — будь готовь его встретить.

Над землей раскинулось звездное полотно осенней ночи, и мерцающие созвездия, словно река, лились сквозь темноту, перекликаясь с бегущими водами Янцзы и озаряя мир серебристым светом.

Тем временем Цай Янь, не смыкавший глаз уже несколько суток, вздрогнул, услышав внезапные шаги.

Когда-то, в годы учебы в Шанцзине, он читал в книгах о последних днях правителей павших государств. Звон мечей, лязг доспехов, шаги, сдержанный кашель — все предвещало зловещий, но неизбежный финал: смерть.

Раньше он не боялся смерти, но постепенно в нем начал прорасти страх. Заточив себя в глубинах дворца, он чувствовал, как его жизнь медленно утекает сквозь решетку этой клетки, словно какое-то чудовище высасывает его судьбу. Он не мог ничего изменить — лишь сидел в Восточном дворце, ожидая конца.

Смирившись со своей участью, он считал дни до своей гибели, а страх висел в воздухе, словно тень.

В моменты, когда весенний ветер удачи дул в его паруса, ему казалось, что обман продлится вечно, и никто не раскроет его хитросплетенные замыслы. Но порой, в глухой ночной тишине, снова накатывал страх, заставляя мечтать о побеге — подальше от этих стен, от этой ловушки.

Его, словно вора, заполучившего не принадлежащее ему сокровище, обжигало украденное, но избавиться от него было невозможно.

С того дня Фэн До оказался под стражей, и было неизвестно, куда его увели. Лан Цзюнься пропал без вести, а Цай Янь, покинутый всеми, был бессилен.

Шаги звучали все ближе, и в помещение вошла высокая фигура. Стража снаружи закрыла дверь.

— Давай поговорим, — небрежно произнес Хань Бинь, снимая плащ и бросая его в сторону. — В последние дни я был занят другими делами и совсем о тебе забыл.

Цай Янь молча смотрел на него. Хань Бинь продолжил:

— Се Ю уже сбежал. Пройдет время — и он вместе с Яо Фу умрет жалкой смертью. Теперь тебя уже никто не спасет.

Хань Бинь с откровенным пренебрежением оглядел Цай Яня. На самом деле, он уже отправил сегодня письмо, приказав войскам у перевала Юйбигуань направить подкрепление. Как только они подойдут, он откроет внутренние ворота города, чтобы ударить с двух сторон и разгромить Черные Доспехи.

Стоит Се Ю погибнуть — и остальное будет сметено осенним ветром подобно листве*. Останется лишь договориться с Яо Фу, что он не тронет Хуайин — и Великая Чэнь окажется в его руках.

* 一掃而空 образно в значении «всесокрушающие силы; сила сметает все прогнившее; сметать всё на своём пути».

Хань Биню было интересно, что подумали бы Ли Цзяньхун и Ли Яньцю в мире ином, узнав, что держава их рода скатилась в такую пропасть.

— С меня хватит, — дрожащим голосом произнес Цай Янь. — Убейте меня.

Хань Бинь слегка удивился, изучая его взглядом.

— Что это значит? — спросил он.

Цай Янь, все еще дрожа, прерывисто дышал:

— Мне никогда не следовало быть здесь. К этому дню меня привела одна роковая ошибка... И теперь у меня нет ни надежд, ни сил. Генерал Хань, вы правы: я не наследник Великой Чэнь. И вы даже не можете представить, где находится истинный наследный принц — этого не ведают даже Му Куанда.

— Кто ты на самом деле? — спросил Хань Бинь.

Цай Янь с трудом сглотнул:

— Разве это важно? Моя семья давно мертва. Даже если прикажете истребить мой род —

убивать некого. А вот вы, генерал Хань, даже не подозреваете, что беда уже у вашего порога. У Се Ю и Яо Фу остался последний козырь — они ждут, когда вы объявите мою тайну всему миру.

Глаза Хань Биня сузились.

Цай Янь засмеялся:

— Обещайте убить меня до его возвращения — и я все вам расскажу.

— Рассказывай, — Хань Бинь опустил на лавку, застыв словно каменный идол.

Рассвет застал Дуань Лина одного на берегу реки. Цзянчжоу в этот день был затянут тяжелыми тучами, а в воздухе висела тревожная напряженность.

После вчерашнего разговора с Ли Яньцю Дуань Лин погрузился в раздумья. Он понимал, что план, набросанный дядей в нескольких фразах, был лишь общим представлением. Если он действительно хочет вычистить всех старых чиновников, то, естественно, у него должен быть сценарий, что делать после. Просто груз на его плечах, казалось, стал немного тяжелее.

Во всех династиях императоры казнили и властных сановников, и героев. Однажды император Великой Юй устроил пир в честь Праздника середины осени и сжег заживо собравшихся старых чиновников, но этим воспользовались родственники императрицы, развязав переворот длиною в годы. В итоге именно сбежавший наследный принц с армией вернул трон*.

* Главный герой «Орлиного стража», Ли Цинчэн.

А если не убивать?

Сквозь мрачное небо пробивался свет, когда к нему подошел У Ду:

— Нам пора идти. Все еще думаешь о том, что сказал дядя?

Дуань Лин кивнул, обернулся и встретился с ним взглядом. Они стояли друг напротив друга в тяжелой, тревожной тишине.

У Ду внимательно осмотрел его:

— Ты похудел.

— Поправлюсь, когда все закончится, — сказал Дуань Лин.

— Но ты так и не разобрался до конца, — произнес У Ду.

— Ты прав, — ответил Дуань Лин. — Я ступил на путь, где никто не сможет подсказать мне дорогу. Даже отец в свое время не мог решить эту проблему.

— Иногда ты напоминаешь мне канцлера Му, — неожиданно усмехнулся У Ду. — Видно, слишком многому у него научился.

— Он и дядя мыслят одинаково, — сказал Дуань Лин. — Каждый действует ради своих целей, но методы у них схожи. Просто канцлер Му терпелив — все движется по его плану. А дядя с отцом... Их подход подобен удару молнии: сказано — сделано, даже если придется уничтожить тысячу врагов, потеряв восемьсот своих.

Между тем методы Му Куанды были куда более миролюбивы. Он редко прибегал к жестким мерам для устранения противников — разве что к членам семьи Ли и несчастному Бянь Линбаю.

Если бы не падение Хань Вэйюна, он никогда не оказался бы в таком положении. С начала года Му Куанда, словно корабль в бурном море, осторожно лавировал между бесчисленными водоворотами. Малейшая ошибка — и он разбился бы о подводные рифы, рассыпавшись в прах. Будь Хань Вэйюн все еще у власти, Ляо уже с первых месяцев могла бы давить на границы Чэнь, и, даже если Ли Яньцю желал бы устранить его, он не осмелился бы действовать быстро.

После смерти Чан Пина Му Куанда не раз ошибался в оценке обстановки. Когда появился Фэй Хундэ, он увидел шанс переломить ситуацию, но Хань Бинь, проявив упрямство, устроил переворот раньше срока, разрушив все его приготовления.

— Канцлер Му, вам лучше? — спросил Фэй Хундэ.

После покушения Му Куанду доставили во дворец. Хань Бинь объяснил это необходимостью защиты от новых нападений и безопасности всей семьи Му, но в на деле же он стремился поставить клан Му под свой контроль — на случай, если планы пойдут наперекосяк.

Му Куанда сдавленно закашлял, с трудом приподнялся на кровати и кивнул:

— Лучше. Через несколько дней я смогу как обычно посещать утренние собрания. Однако я никак не ожидал, что У Ду и Ван Шань не последуют за мной во дворец.

— Возможно, они скрываются снаружи, — предположил Фэй Хундэ. — Выжидают шанс спасти вас.

Му Куанда вздохнул. Лишь он сам знал: этот ученик был словно змея во тьме — прикормленная, но готовая в любой момент ужалить.

— Есть новости об их местонахождении? — спросил Му Куанда. — И где Чан Люцзюнь?

Фэй Хундэ покачал головой:

— Только что спрашивал у генерала Хань. Никаких сведений.

— А наследный принц? — продолжил Му Куанда.

— Под арестом, — ответил Фэй Хундэ.

Улохоу Му тоже не вернулся. Четверо великих убийц исчезли в одночасье, и Му Куанда начал смутно ощущать неладное. Вся эта катастрофа коренилась в истории с тайной комнатой. Сначала он подозревал, что Фэй Хундэ наставлял Ван Шаня. Но откуда у Фэй Хундэ могло быть столько сведений?

— За городом собралось множество людей, — сказал Фэй Хундэ. — Все прибыли выразить соболезнования. Послы из Юань, Ляо, Силян и туюйхуньских племен ждут снаружи.

— Самое время, — ответил Му Куанда. — Помогите мне подняться.

Опираясь на Фэй Хундэ, Му Куанда с трудом встал. Его тело все еще было обмотано бинтами. После внезапного покушения он резко увял, превратившись в старика на закате своих дней.

— Ваши раны еще не зажили, — заметил Фэй Хундэ. — Куда вы хотите отправиться?

— К вдовствующей императрице, — ответил Му Куанда.

Хань Бинь провел весь день в Восточном дворце. К полудню Цай Янь, изможденный до предела, едва держался.

— Вот и все, — сказал Цай Янь. — Больше я ничего не помню.

После того как он выложил Хань Биню все свои секреты, Цай Янь тяжело вздохнул, словно исчерпав последние капли жизни, и обмяк в кресле. Теперь вокруг не было никого — только он сам. И он больше не был наследным принцем Великой Чэнь, а всего лишь Цай Янем.

— Ваше Высочество... — начал Хань Бинь.

— Зовите меня Цай Янь, — перебил он. — Меня давно никто не называл этим именем.

Хань Бинь поднялся с места:

— У меня есть план. согласишься сотрудничать — сохранишь жизнь.

Глаза Цай Яня резко расширились, и в этот момент вошел подчиненный Хань Биня. Он что-то доложил ему, и тот произнес:

— Послы Юань, Ляо, Силян и туюйхуньских племен уже прибыли. Ждут за городом.

— Не впускайте их, — сказал Цай Янь.

— Нет, — возразил Хань Бинь. — Их нужно впустить.

— Дуань Лин наверняка проникнет во дворец вместе с ними! — воскликнул Цай Янь.

— Тогда впустим его, — холодно ответил Хань Бинь. — Посмотрим, на что способен сын Ли Цзяньхуна. Передай приказ Се Ю: пусть послы пройдут между внешними и внутренними воротами северной стены, и чтобы вслед за ними не вошел ни один солдат Черных Доспехов.

Затем он повернулся к Цай Яню:

— А ты пока сиди здесь смирно. Завтра созову всех чиновников на придворное собрание, а выживешь ты или нет — все будет зависеть от твоего послушания.

Хань Бинь покинул Восточный дворец и, проходя мимо заднего зала, мельком увидел Му Куанду и Му Цзиньчжи, сидевших друг напротив друга.

— Поговорим наедине, — обратился Хань Бинь к Му Куанде.

— Говорите прямо, генерал, — холодно отозвалась Му Цзиньчжи. — Мы все в одной лодке. К чему скрытничать?

Хань Бинь усмехнулся:

— Вдовствующая императрица носит под сердцем дитя. Не хотелось бы лишний раз тревожить ваш покой.

Он опустился на пол, а Му Куанда спросил:

— Говорят, у городских стен уже собрались послы, прибывшие выразить соболезнования?

— Так и есть, — ответил Хань Бинь. — Четверо убийц, включая Чан Люцзюня, и ваш ученик Ван Шань до сих пор не найдены.

На лице Му Куанда отразилась гамма противоречивых эмоций:

— Если это правда, значит, Яо Фу и Се Ю готовят нечто грандиозное. Уже несколько дней тишина — это неспроста.

— Нет, — ответил Хань Бинь. — Се Ю и Яо Фу прислали письмо с общей подписью с предложением переговоров.

— Какие условия? — спросил Му Куанда. — Вряд ли они так просты.

— Они хотят знать, что потребуется, чтобы я открыл внутренний город Цзянчжоу, — сказал Хань Бинь. — Но сейчас уже не мы решаем. Канцлер Му, завтра на утреннем совете нужно собрать всех сановников. Пока не похоронен император, мы должны устранить главную угрозу.

— Хм, — промычал Му Куанда. — Но если обвинения падут на него и Яо Фу, последствия будет трудно контролировать.

Хань Бинь поднялся:

— Подкрепление уже в пути. Если ничего не случится, придут к завтрашнему вечеру. Я пойду на встречу с послами четырех государств.

С этими словами он вышел, оставив Му Куанду и Му Цзиньчжи наедине. Та проводила его тяжелым взглядом и произнесла:

— Ты впустил в дом волка.

— Это был единственный выход, — ответил Му Куанда. — Как только Хань Бинь подтвердит личность того парня, он попытается убить меня. Но истребить весь род Му он не посмеет. Тогда ты и ребенок останетесь живы.

Му Цзиньчжи молчала.

— Ты — вдовствующая императрица, и носишь будущего наследника рода Ли, — медленно произнес Му Куанда. — Он пощадит тебя, если будешь притворяться вежливой. Дай время — когда ребенок подрастет, тогда и расправимся с ним.

Му Цзиньчжи вздохнула, и ее лицо исказила глубокая печаль.

С наступлением ночи внутренний и внешний город погрузились в тишину. Во внутреннем продолжался комендантский час, но в домах вдоль улиц горел свет. Во внешнем же мерцали лишь огни лагеря Се Ю и Черных Доспехов.

Сотни людей собрались на длинной улице, разделявшей два города. Черные Доспехи расположились в двухстах шагах от них, а Се Ю, не отрываясь, наблюдал за дальним концом улицы. Вскоре боковые ворота у главных ворот внутреннего города медленно распахнулись.

— Что это значит?! — прогремел голос посла. — Мы проделали долгий путь, чтобы выразить соболезнования, а вы открываете лишь боковые ворота?! Как вы смеете нас унижать?!

— Господа, — с высоты внутренней стены крикнул глашатай, — Великая Чэнь переживает смутные времена. Дабы избежать происков врагов, просим пройти через боковые ворота. Приносим глубочайшие извинения за неудобства!

Из-за ворот хлынули сотни солдат Северного командования, заняв боевые позиции и вглядываясь в темноту. Вдалеке, у конца улицы, воины Черных Доспехов подняли факелы, осветив небольшой участок.

— Пошли, — сказал Яо Фу.

Се Ю развернул коня, и они с Яо Фу двинулись прочь.

Дуань Лин стоял среди монгольских послов. Впереди, недалеко от него, находился Шулюй Жуй. Сначала прошли послы Ляо, а затем послы Юань, Силян и Тууюхунь — все по очереди миновали боковые ворота.

На просторной площади внутреннего города тысяча солдат Северного командования плотным кольцом окружила делегации, обыскивая каждого. Бату прикрыл собой Дуань Лина, пока они ждали своей очереди.

— Что это значит?! — когда очередь дошла до Бату, тот резко обнажил меч, а Амга, Хэлянь Бо и другие последовали его примеру, мгновенно образовав с солдатами Северного командования две противостоящие группы.

— Все, кто входит во дворец, должны сдать оружие и пройти обыск! — крикнул глашатай.

— Если кто-то посмеет нас тронуть, — взревел Бату, — думаю, болтать больше не стоит!

Давайте просто сразимся! Доставайте мечи!

Послы, и без того взбешенные, дружно схватились за оружие. Ситуация вышла из-под контроля глашатая, и он поспешно отправил гонца за указаниями. Вскоре пришел ответ: главам делегаций разрешили пройти без обыска.

Дуань Лин положил руку на спину Бату, давая знак сохранять спокойствие, и только тогда он приказал людям вложить мечи в ножны.

Солдаты Северного командования вновь сели на коней и сопровождали послов ко дворцу.

В окруженном мраком рву раздалось плескание воды. Десять лодок, каждая с солдатами в черных одеждах, бесшумно скользили по тайному каналу, направляясь во внутренний город. Этот канал, много лет заброшенный, извилистой змейкой вел к подземной реке Цзянчжоу. Выйдя из нее, лодки оказались в стоке за пределами восточного рынка.

На берегу патрулировали стражники. Внезапно из одной лодки вылетела черная стрела, и пораженный ей часовой беззвучно рухнул на землю.

У Ду, облаченный в черную военную форму, с луком в руках, огляделся, оценивая обстановку.

— Генерал, мы уже внутри города, — шепотом доложил солдат. — До восточного рынка осталось немного.

— Высаживаемся за рынком, — приказал У Ду. — Остерегайтесь патрулей.

Дуань Лин ехал верхом, не спеша следуя за Бату. Со всех сторон на крыши домов уже взбирались люди в черном, пригнувшись, чтобы наблюдать за каждым движением на длинной улице.

Дуань Лин слегка поднял голову и увидел при лунном свете стройный черный силуэт на крыше «Лучшей лапши в мире». На мгновение силуэт дрогнул — и исчез.

Это был У Ду. Дуань Лин уже понял послание — тот неотступно будет следовать за ним, словно тень.

У входа в императорский дворец все сдали оружие — мечи и кинжалы сложили в ящики,

которые стражники опечатали, прежде чем провести делегацию внутрь.

Дуань Лин впервые проходил через главные ворота величественного дворца. Минуя Полуденные ворота, он ощутил грандиозный масштаб императорского города Цзянчжоу — даже лунный свет был не в силах скрыть его непреодолимой мощи.

Последний раз он заметил У Ду на крыше Зала Высшей Гармонии. В следующий миг набежали тучи и закрыли луну.

— Делегациям просьба пройти в боковые залы для отдыха, — объявил глашатай. — Генерал Хань вскоре устроит в вашу честь прием.

Так, послов распределили по боковым залам, и, пересчитав всех, гонец отправил солдат присматривать за ними, выставляя вокруг комнат непроницаемую охрану. Кроме того, прислали двадцать евнухов — формально для обслуживания, но фактически для слежки.

Бату, Хэлянь Бо, Елюй Лу, Тендзин Вангъял и Дуань Лин собрались в одном зале, однако под присмотром евнухов они не могли свободно говорить.

Дуань Лин собирался заговорить на киданьском, но, передумав, перешел на монгольский:

— Ничего страшного. Они нас не поймут.

В цзянчжоуском дворце вряд ли кто-то знал монгольский, но здесь все так или иначе владели им. Елюй Лу тоже перешел на монгольский:

— Перед отъездом Его Величество велел нам во всем подчиняться вам в Цзянчжоу.

— Мы с Тендзином тоже будем следовать твоим указаниям, — добавил Хэлянь Бо.

Бату, не выражая прямого согласия, устремил взгляд на Дуань Лина:

— Что ты задумал?

— Сначала избавимся от этих надоедливых смотрителей, — ответил Дуань Лин. — Пусть твои люди... э-э... ты понял.

После указаний Дуань Лина иноземные послы уселась пить чай, а затем начали приставать к евнухам. Некоторые же вели себя откровенно грубо, прижимая их к полу прямо в зале, словно готовясь к делу.

— Что вы делаете?!

— Евнухов трахаем — тебе какое дело? — ответил Бату.

Солдаты Северного командования ворвались в зал, обнаружив, что там царил полный хаос. Изнеженные евнухи, привыкшие к дворцовой роскоши и власти, никогда не сталкивались с таким беспределом. С криками о помощи они бросились врассыпную, а служанки, дрожа от страха, попрятались по углам.

В разгар неразберихи явился глашатай, приказав солдатам отступить во избежание бунта. Охрану усилили, но слежку прекратили.

Настал момент Дуань Лина. Открыв окно в задней части зала, он, дождавшись ухода стражников, перекинул крюк с веревкой, взобрался на крышу и скрылся в тенях черепиц.

— Быстрее! — Хэлянь Бо подтянул Бату, а затем Елюй Лу и Тендзин Вангъяла. Тендзин двигался быстро и ловко — видно, не раз лазил по крышам.

— Тендзин, вам лучше... — начал Дуань Лин, но остановился.

Тендзин, заметив беспокойство Дуань Лина, объяснил что-то жестом и пробормотал. Хэлянь Бо перевел:

— Он... тоже... лазил на дворец Потала, искал живого Будду.

— Хорошо, — кивнул Дуань Лин. — Тогда разделимся. Будьте осторожны.

Обсудив на крыше план, они разошлись в разные стороны, как только тучи окончательно поглотили луну. Елюй Лу, Хэлянь Бо и Тендзин Вангъял двинулись на восток, а Бату с Дуань Лином — на запад.

Дуань Лин осторожно шагал по черепице, как вдруг чуть не сорвался с карниза. Бату мгновенно среагировал и удержал его.

— О чем ты вообще думаешь? — спросил Бату.

— Прости, — пробормотал Дуань Лин. На пороге судьбоносного момента его мысли путались, целиком поглощенные тем, что ему предстояло сделать.

— Я имел в виду, — Бату, потянув Дуань Лина, прыгнул с низкой крыши в императорский сад и притаился за дорожкой, дожидаясь прохода патруля, — что заставило тебя приложить

столько усилий, чтобы вернуться сюда?

— Много раз я думал, что умру, — ответил Дуань Лин, стоя с Бату в темноте и глядя вдаль. — Когда бежал из Шанцзина, я не сдавался, потому что верил, что отец жив. Но когда вернулся в Сычуань, не покончил с собой только из-за У Ду.

Бату молчал. Патруль приблизился, и в тягостной тишине он наконец произнес:

— Но не из-за меня.

— Когда-то так и было, однажды, — сказал Дуань Лин.

Эти слова словно утешили Бату, но Дуань Лин продолжил:

— Вдали от тебя, на юге, я надеялся, что и ты продолжишь жить. Но все это произошло по вине твоего народа. Могу лишь сказать... я изо всех сил старался не ненавидеть тебя.

— Ладно, — ответил Бату. — Так мы снова будем ходить по кругу, возвращаясь к тому, с чего начали.

Дуань Лин смотрел на него. Иногда он испытывал к нему смесь любви и ненависти. Он ценил их дружбу — знал, что Бату один из немногих в мире, кто готов был рискнуть жизнью ради него. Но война и разделявшие их народы неумолимо сталкивали их на противоположные стороны.

— Пошли, — после недолгого раздумья сказал Дуань Лин.

Вместе они обошли галерею и направились в императорский сад. Бату бдительно следил за окружением. Дуань Лин подошел к императорскому кабинету — внутри горел свет. Он не был уверен, кто там: Цай Янь или Хань Бинь. Затаив дыхание, он прислушался.

У входа стояло двое солдат Северного командования. Стоит ли рискнуть? — подумал Дуань Лин.

Изнутри донесся голос Хань Биня:

— Завтра на рассвете созовите всех чиновников. Пусть ждут у зала в часу четвертой ночной стражи*. Нам нужно кое-что обсудить.

* Четвертая ночная стража приходится на период с 1 до 3 часов ночи, но обычно чиновники отправляются на утреннее собрание в 3 часа ночи.

— Да, — послышался голос изнутри. Заместитель генерала вышел, приоткрыв дверь.

Внутри находился Хань Бинь. Дуань Лин принял решение, но до условленного с У Ду времени оставалось еще немного. Снаружи был только Бату.

Ждать ли У Ду или действовать сейчас? Дуань Лин на мгновение задумался. Из кабинета донеслись шорохи — вероятно, Хань Бинь собирал вещи, готовясь уйти.

— Спасибо, Бату, — тихо произнес Дуань Лин. — Дальше я пойду один.

Бату хотел последовать за ним, но Дуань Лин уже вышел из тени в полосу света у входа. Он отступил обратно в темноту и вытащил кинжал из сапога, готовый ворваться туда при первой опасности.

— Кто здесь?! — окликнул стражник у двери.

В императорском кабинете Хань Бинь настороженно поднял голову.

— Это я, — сказал Дуань Лин. — Ван Шань просит аудиенции у генерала Хань.

— Пусть войдет, — распорядился Хань Бинь.

Дуань Лин толкнул дверь и вошел внутрь. Хань Бинь стоял у книжной полки, перебирая старые доклады и меморандумы.

— Наконец-то ты пришел, — не отрываясь от бумаг, сказал Хань Бинь. — Присаживайся. Твой учитель извелся от ожидания. Думал, ты сначала отправишься во дворец вдовствующей императрицы, чтобы навестить их.

— Он... — начал Дуань Лин.

Хань Бинь наконец поднял на него взгляд:

— Улохоу Му пырнул его ножом. Не добил, но живой он или мертвый — разницы мало. Мы с ним заключили спор. Он уверял, что ты умен и в последний момент переметнешься ко мне, даже не взглянув на него.

Дуань Лин молчал.

Му Куанда знал его слишком хорошо — так же, как он знал Му Куанду.

Теперь, когда Хань Бинь захватил власть, весь Цзянчжоу оказался в его руках. Му Куанда, что играл с тигром, сам попал в капкан. Любой разумный человек понял бы: нужно немедленно перейти на сторону Хань Биня.

Очевидно, они заранее обсудили позицию Дуань Лина. Теперь же его охватила тревога: если Му Куанда все еще жив, что он мог сказать Хань Биню?

Он собирался предъявить доказательства, чтобы Хань Бинь использовал их на завтрашнем совете, но в последний момент передумал.

— Что вы ищете, генерал? — спросил Дуань Лин.

Хань Бинь с несколькими меморандумами подошел к императорскому столу, разложил их и стал сравнивать почерк.

— Ищу подсказки, — ответил Хань Бинь. — Даже самая хитрая лиса иногда оставляет следы.

Эти слова вновь насторожили Дуань Лина. Казалось, Хань Бинь намекал на что-то другое, глядя прямо на него.

— А как ты оцениваешь ситуацию? — вместо ответа на вопрос о цели визита спросил Хань Бинь.

— Генерал Хань планирует завтра на рассвете собрать всех сановников, — спросил Дуань Лин. — Чтобы допросить наследного принца?

— Именно так, — ответил Хань Бинь. — Но личность наследного принца по-прежнему окутана тайной.

— Как и говорил канцлер Му, — сказал Дуань Лин. — Возможно, этот человек был близким другом наследника. Если искать зацепки, стоит начать отсюда.

— Но одно мне неясно, — сказал Хань Бинь. — Если есть ложный наследник, должен быть и настоящий. Где же тогда настоящий?

Дуань Лин не ответил, лишь глядел на Хань Биня.

Хань Бинь внимательно посмотрел на лицо Дуань Лина и произнес:

— Ты мне кое-кого напоминаешь, Ван Шань.

Хань Бинь уже все знает — первая мысль, промелькнувшая в голове Дуань Лина. Прежде чем он успел понять, узнал ли генерал его по сходству с матерью или по иной причине, его сердце бешено застучало в груди. Но Дуань Лин понимал: отступить сейчас — не лучший выбор.

— Кого? — спросил Дуань Лин.

— Дуань Сяовань, — ответил Хань Бинь. — В тот год, когда принцесса прибыла в лагерь, мне довелось ее увидеть. Твои брови и глаза... очень напоминают ее.

Дуань Лин улыбнулся:

— Дядя Хань.

Хань Бинь рассмеялся:

— Как же тщательно ты все продумал, раз оказался здесь. Улохоу Му воспользовался ложным наследным принцем, чтобы держать Му Куанду в узде, а ты использовал Му Куанду, чтобы уничтожить наследного принца. Затем втянул меня, чтобы избавиться от них обоих. А после восшествия на престол использовал бы Се Ю, чтобы расправиться со мной. Эти ходы сплетаются, как звенья одной цепи... Сложно поверить, что это дело рук юноши, служившего семье Му с пятнадцати лет.

— Вы мне льстите, — сказал Дуань Лин. — Чтобы править страной и поддерживать на ней мир, приходится многое просчитывать.

Он понял: этими словами Хань Бинь ясно дал знать, что не позволит ему выйти из этой комнаты. Логично — устранив Цай Яня и Му Куанду, Хань Бинь смог бы править как регент, контролируя вдовствующую императрицу. Как он позволит кому-либо в такой момент разрушить этот план?

— Ты все предусмотрел, кроме одного, — сказал Хань Бинь. — Изначально я планировал завтра собрать чиновников и выманить тебя во время допроса того самозванца. Не ожидал, что ты сам сегодня явишься в ловушку.

— Я бы с удовольствием послушал подробности, — сердце Дуань Лина бешено стучало, но внешне он сохранял спокойствие.

Хань Бинь спросил:

— Кто твой отец?

Дуань Лин безмолвно смотрел на него.

Хань Бинь продолжил:

— Какие у тебя доказательства, что твой отец — покойный император? Мы должны убедиться в этом на основании твоей встречи с Цай Янем, когда он признает тебя «тем самым Дуань Лином»? Или мы должны поверить, что ты тот самый Дуань Лин из Шанцзина, основываясь на показаниях Улохоу Му?

— Дядя Хань, вы слишком много думаете, вы запутались, — ответил Дуань Лин.

— Нет, — возразил Хань Бинь. — Путаница в твоей голове. Весь род Дуань вымер. Когда Дуань Сяовань покинула северные земли и вернулась в Жунань, она уже носила под сердцем дитя. Улохоу Му отправился забрать тебя в Шанцзин...

Услышав это, сердце Дуань Лина екнуло. Все пропало, — подумал он.

— Улохоу Му может подтвердить, что ты сын Дуань Сяовань, это верно, — Хань Бинь едва заметно приподнял бровь. — Но как он докажет, что твой отец — покойный император?

Дуань Лин не сдержал усмешки:

— Вы хотите все опровергнуть? Тогда чьим сыном, по-вашему, я являюсь? Генерал Хань, одного вашего слова достаточно, чтобы истребить ваш род до девятого колена. Каким человеком, по-вашему, была моя мать?

— Я тебе верю, — сказал Хань Бинь. — Но у тебя до сих пор нет доказательств. В тот день, когда Дуань Сяовань ушла, покойный император не знал, что она беременна. В этом деле я — живой свидетель. Даже годы спустя, когда Улохоу Му прибыл в Жунань и подошел к порогу дома Дуань, он до последнего момента не знал, что Дуань Сяовань давно умерла, оставив тебя. Так что даже Улохоу Му этого не знал.

— Я родился в декабре, — сказал Дуань Лин. — В то время, когда мать забеременела, она постоянно находилась с моим отцом. Это невозможно подделать.

— О? Ты родился в декабре? На каком основании?

— Дядя Хань, сейчас не время для шуток. Когда Цай Янь вернулся, при таком количестве высокопоставленных чиновников не может быть, чтобы никто не задался этим вопросом. Ответы на них были получены уже давно.

— Ты ошибаешься. Вот что происходит, когда принимаешь все как должное. Сколько людей осмелились бы заикнуться о принцессе в присутствии Его Величества? Сейчас чиновники вполне осведомлены о том, является ли наследный принц Дуань Лином, но мало кто поднимал вопрос о том, является ли Дуань Лин ребенком Его Величества. Дело в том, что черты лица

наследного принца были изменены Улохоу Му, что сделало его похожим на Его Величество, вот почему никто не поднимал этот вопрос.

Выслушав это, Дуань Лин сохранял спокойствие:

— И что?

— Поэтому поднимали этот вопрос лишь трое — канцлер Му, Се Ю и покойный император. И лишь трое видели эту бумагу.

Ловким движением пальцев Хань Бинь поддел свидетельство о рождении и поднес его к пламени свечи.

— Стой! — вскричал Дуань Лин, бросаясь вперед.

Но Хань Бинь был готов. В тот же миг он вытащил меч из ножен у пояса и направил его прямо в грудь Дуань Лину!

Свидетельство о рождении имело для Дуань Лина огромное значение. Ему даже некогда было думать о том, как оно попало к Хань Биню, но это был единственный ключ к доказательству его происхождения!

Хань Бинь ждал этого момента. Не колеблясь, он занес меч, чтобы нанести смертельный удар, но клинок скользнул по груди Дуань Лина, отскочив в сторону. Вместо этого Дуань Лин опрокинул императорский стол и рванулся к горящему свидетельству о рождении!

Не ожидавший, что Дуань Лин носит непробиваемый доспех, Хань Бинь на миг застыл. В этот момент Дуань Лин взмахнул спрятанным кинжалом. Хань Бинь резко уклонился, а его солдаты с ревом ворвались в зал:

— Как ты смеешь!

Когда два меча взметнулись к затылку Дуань Лина, он резко развернулся и швырнул кинжал. Его лезвие было смазано смертельным ядом, и любой, кого оно заденет, умрет на месте!

За это мгновение свидетельство о рождении превратилось в пепел на огне свечи. Дверь императорского кабинета распахнулась, осенний ветер ворвался внутрь, и остатки пепла разлетелись в ночи.

Дуань Лин замер.

Хань Бинь тяжело дышал. В тот момент, когда Дуань Лин бросился в атаку, в нем словно бушевала гроза — юноша еще не достиг совершеннолетия, но уже излучал ту же грозную силу, что и Ли Цзяньхун в былые дни.

Хань Бинь, подавленный этим напором, встретил взгляд Дуань Лина, в котором пылала ярость.

— Увидимся, генерал Хань, — бросил Дуань Лин и стремительно выскользнул из кабинета. Солдаты бросились вдогонку, но Бату появился из тени, прикрывая его отступление. Они метнулись в коридор.

— В погоню! — рявкнул Хань Бинь, все еще дрожа от страха.

В одно мгновение стражи дворца устремились в императорский сад. Дуань Лин и Бату мчались друг за другом, не обмениваясь словами. Сзади свистели стрелы. Бату попытался прикрыть Дуань Лина, но тот крикнул:

«Ты иди первым!» — и сам встал спиной к Бату, защищая его.

Впереди оказался тупик. Дуань Лин взглянул вверх: на высокие дворцовые стены взобраться трудно. Сзади уже настигала сотня солдат Северного командования, вооруженные мощными арбалетами, направленными на них.

— Здесь! Нашел! — раздался крик.

Новые отряды преследователей ринулись к ним. Они стояли спиной к стене, а над головой, скрывая яркую луну, надвигались темные облака.

Внезапно они услышали один крик за другим. Дуань Лин вздрогнул, поднял голову и увидел, как несколько стройных силуэтов промелькнули мимо, оставляя за собой кровавые брызги. Преследователи падали замертво, устилая землю телами. В разные стороны летели стрелы, а черные тени, переплетаясь, за мгновение уничтожили сотню солдат.

Постепенно вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь стонами корчащихся на земле врагов. Трое черных убийц отступили назад и встали спиной к Дуань Лину.

Сверху раздался свист, оповещающий о том, что все чисто. Главарь убийц снял маску — это был У Ду.

— К счастью, успел вовремя, — сказал У Ду.

Дуань Лин и У Ду обнялись.

— Хань Бинь все знает, — произнес Дуань Лин. — Нужно изменить план.

— Поговорим об этом, когда уйдем отсюда, — ответил У Ду.

Чжэн Янь, наблюдавший сверху, спустился вниз. Двое других убийц сняли маски — это оказались Лан Цзюнься и Чан Люцзюнь.

— Идемте сюда, — сказал Лан Цзюнься. — К Залу Небесного Истока. Там меньше всего людей.

Они шли по длинной галерее. Минуя зал, где находились послы, Дуань Лин обратился к Бату:

— Бату, вернись к ним и подготовься. Пусть послы подтвердят мои слова. На утреннем собрании Хань Бинь созовет чиновников.

Бату окинул взглядом группу, кивнул и скрылся в коридоре.

— Наверх, — У Ду одной рукой подхватил Дуань Лина, взметнувшись на крышу Зала Небесного Истока. Внизу виднелся Восточный дворец, но сегодня его окна оставались темными. Видимо, Цай Яня уже перевели в другое место под усиленную охрану.

Четверо убийц, стоя или сидя, замерли на своих позициях, и их силуэты черными пятнами выделялись в лунном свете.

— Что будем делать дальше? — спросил Чан Люцзюнь.

— Я найду Хань Биня, — предложил Лан Цзюнься.

— Ты еще не оправился от ран, — возразил Дуань Лин. — Не стоит рисковать и пытаться убить его в одиночку.

У Ду, присевший на карнизе словно молчаливый и опасный большой кот, на мгновение задумался, а затем произнес:

— Се Ю и император ждут нашего сигнала.

— Внутренние ворота открыты? — спросил Дуань Лин.

— Еще нет, — ответил Чжэн Янь. — Но все готово. Они ждут приказа. Однако даже после открытия ворот придется пробираться через императорский город. Когда Се Ю поведет войска, даже если бои на улицах быстро завершатся, штурм дворца займет некоторое время.

— Как только начнется утреннее собрание, — сказал У Ду, — внимание Хань Биня будет приковано к нему. Это лучшее время для штурма императорского города. Продолжим действовать по изначальному плану. Уведомите Се Ю и Его Величество. Единственное, что нам нужно изменить, — это время атаки.

— Действуем по плану, — сказал Дуань Лин.

— А что с письмами и доказательствами? — спросил Лан Цзюнься.

— Найдем кого-нибудь другого, кому их можно отдать, — ответил Дуань Лин. — У меня есть идея. Уже полночь. Давайте, разделимся и поторопимся! Быстрее!

Все на мгновение замолчали, а затем разошлись: Чжэн Янь — на запад, Чан Люцзюнь — на юг, а Лан Цзюнься — к главному дворцу. Их силуэты растворились в ночи.

Дуань Лин достал два экзаменационных свитка и стал внимательно разглядывать их при лунном свете.

У Ду по-прежнему стоял рядом с ним. Его взгляд был мягким, но в глубине таил скрытую остроту.

— После этой ночи ты больше не будешь Шань-эром, — глухо произнес У Ду.

Дуань Лин оторвался от свитков и встретился с ним взглядом.

— Для нас с тобой — останусь, — ответил он. — Навсегда.

Он прильнул к У Ду, и они обнялись. Тучи снова сгустились, поглотив лунный свет. Наступила полночь, и во дворце повсюду, словно тысячи огоньков, перетекающих между залами, мелькали факелы преследователей.

<http://bllate.org/book/15657/1400682>